

Папин журнал

№ 3 (19) Апрель 2012 Лицей, перезагрузка

Лицей, перезагрузка

БЕСЕДОВАЛ РАДИФ КАШАПОВ

Сергею Гутцайту стало мало ресторанного бизнеса, и он начал гораздо более рискованный и долгосрочный проект – школу имени А. М. Горчакова, современную версию Царскосельского лицея.

В школу принимают мальчиков, учеников пятых классов, и обучают, помимо базового школьного плана, многому другому: от танцев и культуры речи до веб-дизайна. Вместо экзаменов здесь презентуют проекты. В программе спорт; не только футбол, баскетбол, волейбол, лыжи, но и плавание, коньки, байдарки. Плюс постоянные образовательные путешествия по России и за границу. Уникальное место, где учиться нелегко, но приятно. Школа уже провела два выпуска. Аналогов ей в стране пока не появилось. Хотя Гутцайт готов поделиться с другими меценатами всеми необходимыми руководствами.

– На что может надеяться семья, отдавая ребенка в вашу школу?

– Парадокс в том, что если бы Путин, который добился самой высокой чиновничьей должности в России, окончил эту школу, он президентом бы не стал. Он им стал, потому что пошел своим путем. Думаю, что будущий президент может окончить любую школу. Да, есть школы, выпускники которых, к примеру, не однажды занимали Овальный кабинет. Однако мы знаем об этих школах лишь потому, что Кто-то Великий их закончил. Если бы Пушкин не учился в Лицее, мы не только не узнали бы о Дельвиге, Горчакове, но и о самом бы Лицее не говорили.

– А вам хотелось бы, что из вашей школы выходили будущие пушкины или министры юстиции вроде Дмитрия Николаевича Замятина?

– Да пусть выходит кто угодно! Школа, школка – это сельскохозяйственный термин. Эта та грядочка, где созданы наиболее хорошие условия для выращивания растений. Мы здесь не сеем определенные имена. Если в эту школу придут дети из семей с амбициями, с историей, которые нацелены на достижение высоких политических целей, может быть, у них что-то и получится. На заказ президента вырастить невозможно. Да, здесь делается больше правильных и меньше неправильных вещей, чем в обычной школе. Мы стараемся, чтобы неординарные качества учеников не забивались. Здесь создают условия, чтобы всхожесть была выше. Чтобы ребенок развивался, напитывался харизмой. С землей все проще – вскопал, разрыхлил, добавил торфа, просеял, сделал грядочку. Общеобразовательную школу сделать сложнее. Спортивную, музыкальную, языковую, математическую – легко. Когда нет уклона – сложно. У нас нет двойных стандартов. Оценки не завышаются. Мы можем с сожалением отчислять учеников, но принципов своих не нарушаем. Видимо, и для детей это важно.

– Сначала школа была бесплатной, теперь родители должны отдавать по договоренности некоторую часть своих доходов. изменился социальный статус семей?

– Наша школа открыта для всех социальных групп за исключением бездельников и лодырей, где образование не ценность, где лень и глупость – норма. Мы для тех, кто ценит образование. Дети в семьях, где есть деньги, тоже имеют право учиться. Однако сам факт,

что семья богата, не значит, что у нее есть преимущества. Материальное в этом вопросе лучше вообще оставить в стороне.

– **Хотите, чтобы таких школ было больше?**

– Наша школа – пример для подражания. Инициатив у богатых персон по созданию детсадов, школ, вузов много. Успешных проектов – мало. Наша сверхзадача – создать школу, которую можно будет тиражировать.

– **Это франшиза? Готовая модель для тиражирования?**

– Абсолютно. Поэтому у нас есть термин «партитура». Джазисты играют на слух. Они не могут передать другим свои темы, пока не сделают нотную запись. У нас можно взять документы и «сыграть нашу мелодию». Интерпретации не будут существенно отличаться от оригинала. Мы пишем эту партитуру, несколько раз ее исполняем, дорабатываем, шлифуем. Мы уже на завершающей стадии. Поможем с документами и с практикой любому, кто к нам обратится.

– **Меценаты ждут, когда будут результаты?**

– И правильно делают! Не надо верить словам, надо верить делам.

– **Наблюдаете за тем, как складывается судьба выпускников?**

– Нет. С учителями, классными руководителями у них сохраняются контакты. Я же их встречаю два-три раза в год, когда они собираются вместе. Если кто-то будет работать в моей компании, я буду рад. Сейчас некоторые студенты так и делают. Однако не думаю, что это будет распространенным явлением. Не считаю, что школа должна выполнять миссионерскую функцию. Это лишь стены, учителя и программы. Все. Не надо ждать от нее большего, чем она есть.

– **У детей в расписании мало свободного времени?**

– Это проблема. Они не бездельничают, мало бывают наедине с собой. Мы хотим им дать хотя бы час-два по-настоящему свободного времени. Невозможно воспитать личность, если ребенок не может просто подумать, полежать, помечтать.

– **Я слышал, что однажды у вас училась девочка...**

– Да, но мной тогда манипулировали. На этом эксперимент и закончился. Я был против. У нас в школе никто не принимает единоличных решений, включая меня. Как учредитель я имею право вето. Могу отказаться финансировать, но этой возможностью не пользуюсь. Мы принимаем коллегиальные решения. Мой голос имеет высокий вес, хотя при прочих равных он не побеждает. У меня есть право лоббировать мнение, доказывать, агитировать. Иногда остаюсь в меньшинстве. Порой принимается решение, с которым я не согласен. Встречаюсь потом с каждым, кто голосовал иначе, дискутирую. Были случаи – через полгода, год, даже больше – я снова поднимал вопрос, убеждал. В результате «за» голосовало большинство. Помните, как в фильме «12»? Первое время люди не верили. Если ты против, нужно объяснить почему.

– **Ученики тоже решают свои вопросы вместе?**

– У них каждую неделю проходит симпозиум. Выбирают ведущего, обсуждают проблему. Иногда их инициативы находят сторонников среди взрослых.

– **То есть у вас две палаты парламента!**

– Да, и это единственное, что имеет здесь отношение к выращиванию политиков!